

Ты будешь там?

Автор:

Гийом Мюссо

Ты будешь там?

Гийом Мюссо

Поединок с судьбой

Можно ли вернуться в прошлое, чтобы исправить сделанные ошибки?

Доктор Элиот Купер был уверен, что это невозможно – в самом деле, жизнь не видеоплеер, здесь нет функции обратной перемотки. Но одно событие, которое произошло в далекой Камбодже, куда доктор Купер прилетел с миссией Красного Креста, изменило его взгляд на проблему.

Забрезжила возможность все переиграть.

Вот только как воспользоваться этой возможностью? Ведь каждый его шаг чреват серьезными изменениями в судьбах его близких...

Гийом Мюссо

Ты будешь там?

Каждый из нас хотя бы раз в жизни задавался вопросом: если бы можно было вернуть прошлое, что бы я в нем изменил?

Если бы можно было его исправить, каких ошибок я бы уже не совершил? Как избежать сожалений и мук совести?

Решился бы я полностью переписать свою жизнь?

Каким бы человеком я стал? Какой бы выбрал путь? И с кем бы захотел его пройти?

Пролог

Северо-восток Камбоджи

Сентябрь 2006 года

Сезон дождей

Вертолет Красного Креста прилетел в назначенное время.

Деревня на высоком плато, окруженная лесами, насчитывала сотню домишек, грубо сколоченных из бревен и сучьев. Отсюда было далеко до туристических районов Ангкора и Пномпеня. Она словно затерялась во времени и пространстве. Воздух был влажным, кругом – грязь.

Пилот не стал выключать двигатель: по заданию он должен доставить в деревню группу медиков с гуманитарной помощью. Ничего сложного при благоприятной погоде. К несчастью, стоял сентябрь, и нескончаемые ливни сильно затрудняли управление вертолетом. Да и запасов топлива оставалось только на обратную дорогу.

И то, если нигде не задерживаться...

Два хирурга, анестезиолог и две медсестры выбежали из лачуги, послужившей вчера больницей, и бросились к вертолету. За последние недели они обошли все окрестные деревни, спасая заболевших малярией, СПИДом и туберкулезом. Они

ампутировали конечности и раздавали протезы: в этом уголке страны земля все еще была напичкана противопехотными минами.

По знаку пилота четверо медиков сели в кабину. Последний, мужчина лет шестидесяти, немного замешкался, растерянно глядя на группку камбоджийцев, окруживших вертолет. Ему не хотелось их оставлять.

– Пора отправляться, доктор! – крикнул пилот. – Если мы сейчас же не взлетим, вы опоздаете на самолет.

Врач кивнул. Он уже собрался подняться на борт, как его взгляд случайно упал на ребенка, которого держал за ручку старик. Сколько ему было, этому малышу? Года два? Во всяком случае, не больше трех. Личико обезобразила вертикальная трещина, разорвавшая верхнюю губу. Этот врожденный физический недостаток обрекал мальчика на питание только жидкой пищей, кроме того, навсегда лишал возможности говорить.

– Скорее, доктор! – позвала медсестра.

– Этого ребенка надо прооперировать! – отозвался он, пытаясь перекричать рев вращающихся лопастей.

– Уже не успеем! Из-за ливней все дороги размыло, а вертолет не сможет за нами вернуться.

Но врач по-прежнему не двигался и смотрел на малыша. Он знал, что в таких местах родители из-за древних предрассудков порой бросают детей, родившихся с «заячьей губой». А в приюте у ребенка с таким недостатком не было шансов на усыновление.

Медсестра напомнила ему об обязанностях:

– Послезавтра вас ждут в Сан-Франциско, доктор. У вас очень плотный график операций, совещания и...

– Летите без меня, – прервал он ее и отошел от вертолета.

– Тогда я остаюсь с вами, – решительно заявила медсестра и спрыгнула на землю.

Девушку звали Эмили. Она была американкой и работала в той же больнице, что и врач.

Пилот покачал головой и вздохнул. Вертолет оторвался от земли, на мгновение завис в воздухе и повернул на запад.

Врач взял мальчика на руки: тот был бледен и дрожал. В сопровождении медсестры он принес его в импровизированный лазарет, поговорил, успокоил, а потом дал наркоз. Как только ребенок заснул, он осторожно отделил скальпелем правую и левую части нёбной занавески и сшил их, закрыв расщелину нёба. Затем восстановил губы, чтобы мальчик мог нормально говорить и улыбаться. Закончив операцию, врач вышел отдохнуть на веранду, усыпанную сухой листвой. Операция длилась долго. Он почти не спал последние два дня и теперь падал с ног от усталости. Он закурил и огляделся. Дождь прекратился. Из просвета в тучах лился поток пурпурно-оранжевого света. Он не жалел, что остался. Каждый год он приезжал в Африку или Азию с миссией Красного Креста. Поездки, конечно, отражались на здоровье, но он уже не мог без них обходиться – это был способ убежать от собственной благополучной и размеренной жизни заведующего отделением одной из калифорнийских больниц.

Потушив сигарету, врач почувствовал, что сзади кто-то стоит. Обернувшись, он увидел сгорбленного старика в национальной одежде – того самого, который держал за руку больного мальчика. Это был деревенский староста. В качестве приветствия он поднес к подбородку сложенные ладони и посмотрел хирургу в глаза. Затем жестом пригласил его в свой дом. Там старик протянул стаканчик рисовой водки и наконец заговорил:

– Его зовут Лу-Нан.

Врач догадался, что это имя прооперированного ребенка, и молча кивнул.

– Спасибо, что вернули ему лицо, – добавил старый камбоджиец.

Хирург, выслушав благодарность, смутился и отвел взгляд. В проеме окна он видел густой тропический лес, который подступал прямо к дому. Было трудно представить, что всего в нескольких километрах отсюда, в горах Ратанакири[1 - Ратанакири - провинция на северо-востоке Камбоджи. (Здесь и далее прим. пер.)], до сих пор водятся тигры, змеи и слоны...

Глубоко задумавшись, врач с трудом понял, о чем спрашивает его хозяин дома:

- Если бы можно было исполнить одно ваше желание, какое бы вы выбрали?

- Простите?

- Какое ваше самое заветное желание, доктор?

Он попытался ответить что-нибудь остроумное, но, почувствовав усталость и волнение, тихо сказал:

- Я хотел бы снова увидеть одну женщину.

- Женщину?

- Да, одну... единственную.

- А вы знаете, где она сейчас? - спросил старый кхмер, удивленный таким простым желанием.

- Она умерла тридцать лет назад.

Азиат нахмурился и долго молчал. Затем неторопливо поднялся и направился в самый дальний угол комнаты, где на шатких этажерках громоздились его сокровища: высушенные морские коньки, корни женьшеня, рассеченные на куски ядовитые змеи в формалине.

Он порылся в хламе и наконец нашел то, что искал. Подойдя к хирургу, кхмер протянул ему крохотный пузырек из дутого стекла.

В нем было десять золотистых таблеток...

1

Первая встреча

Однажды вечером будущее становится прошлым.

Вот так же обернешься назад – и увидишь свою молодость.

Луи Арагон

Аэропорт Майами

Сентябрь 1976 года

Элиоту 30 лет

Сентябрьское воскресенье во Флориде. По дороге, ведущей к аэропорту, летел «Тандерберд»[2 - «Тандерберд» (T-Bird) – название люксового автомобиля марки «Форд».] с откидным верхом. За рулем сидела молодая женщина. Ее волосы развевались на ветру. Обогнав несколько машин, она ненадолго остановилась перед входом в зону вылета, чтобы высадить пассажира. Мужчина достал из багажника сумку и, наклонившись к окошку, поцеловал женщину. Хлопнула входная дверь – он вошел в здание из стекла и стали.

Его звали Элиот Купер. Он был красив и строен; из-за кожаной куртки и спутанных волос его можно было принять за подростка, хотя он работал врачом в Сан-Франциско.

Элиот на автомате подошел к стойке регистрации, чтобы получить посадочный талон на рейс Майами – Сан-Франциско.

– Спорим, ты по мне уже соскучился?

Услышав знакомый голос, мужчина резко обернулся. Ее изумрудные глаза смотрели на него вопросительно, но с вызовом. На ней были джинсы с заниженной талией, замшевый пиджак с надписью «Мир и любовь» и футболка цветов ее родного бразильского флага.

– Когда я в последний раз тебя целовал?

– Прошла уже минута.

– Это же целая вечность!

Он обнял и привлек к себе любимую. Ее звали Илена. Он знал ее уже десять лет и был обязан ей многим: профессией, изменившимися взглядами на жизнь...

Элиот удивился ее возвращению: они оба избегали прощальных сцен, прекрасно понимая, что те только усилят боль расставания.

Их отношения складывались сложно. Илена работала во Флориде, он – в Сан-Франциско. Между ними было четыре часовых пояса и четыре тысячи километров, разделявших Восточное и Западное побережья.

Конечно, они уже давно могли жить вместе, но боялись задохнуться в спокойной семейной жизни и потерять то ощущение счастья, которое испытывали во время своих недолгих встреч.

И потом, каждый занимался любимым делом. Он – на берегу Тихого океана, она – Атлантического. После долгой учебы на медицинском факультете Элиот наконец получил должность хирурга в одной из больниц Сан-Франциско. Илена работала ветеринаром в «Морском мире Орlando» – самом большом океанариуме на планете, – она лечила дельфинов и косаток. Последние несколько месяцев она много времени отдавала «Гринпису», с первых же дней получившему широкую известность. Эта организация, основанная четыре года назад группой убежденных пацифистов и экологов, прославилась борьбой с ядерными испытаниями. Но Илена участвовала главным образом в кампании против массового уничтожения китов и тюленей.

Словом, они жили интенсивной жизнью, в которой не было места скуке. Однако каждое новое расставание давалось тяжелее предыдущего.

«Объявляется посадка на рейс семьсот одиннадцать до Сан-Франциско, выход номер восемнадцать...» – прозвучало в зале ожидания.

– Это твой самолет? – спросила Илена, высвобождаясь из его объятий.

Элиот кивнул и, поскольку давно ее знал, добавил:

– Ты хотела мне что-то сказать?

– Да. Я провожу тебя до зоны вылета. – Она взяла его за руку и заговорила с особым южноамериканским акцентом, который он обожал: – Я прекрасно вижу, Элиот, что мир движется к катастрофе: холодная война, коммунистическая угроза, гонка ядерных вооружений...

Каждый раз, когда они расставались, он смотрел на Илену, словно в последний раз. Как она была красива сейчас!

– ...истощение природных ресурсов, не говоря уже о загрязнении окружающей среды, вырубки тропических лесов и...

– Илена?

– Да?

– К чему ты клонишь?

– Я хочу ребенка, Элиот...

– Прямо сейчас, в аэропорту?

Он не нашелся, что еще сказать. Отшутился, чтобы скрыть растерянность. Но Илена не смеялась.

– Я не шучу, Элиот, и прошу тебя серьезно об этом подумать, – ответила она и, выпустив его руку, пошла к выходу.

– Подожди! – крикнул он, пытаясь ее остановить.

«Мистер Элиот Купер, вас просят срочно пройти на посадку рейса семьсот одиннадцать...»

– Черт! – вырвалось у него, и он покорно встал на эскалатор.

Он обернулся, чтобы последний раз помахать Илене.

Сентябрьское солнце заливало зал. Элиот искал глазами любимую, но ее уже не было.

* * *

Когда самолет приземлился в Сан-Франциско, наступила ночь. Полет длился шесть часов, и в Калифорнии был уже десятый час вечера.

Элиот собирался выйти из терминала и взять такси, но почувствовал, что очень голоден. Взволнованный разговором с Иленой, он даже не притронулся в самолете к подносу с едой. К тому же он знал, что дома его ждет пустой холодильник. На втором этаже он увидел знакомую вывеску «Кафе «Золотые Ворота». Он уже бывал здесь с лучшим другом Мэттом, который не раз летал с ним на Восточное побережье. Элиот подошел к стойке и заказал салат, два рогалика и бокал шардоне. Усталость давала о себе знать, он протер глаза и попросил телефонные жетоны. В кабинке он набрал номер Илены, но никто не ответил. Из-за разницы во времени во Флориде было уже за полночь. Илена наверняка вернулась домой, но, видимо, не хотела с ним разговаривать.

Что и следовало ожидать...

Однако Элиот не жалел, что ответил шуткой на ее просьбу. По правде говоря, он не хотел детей.

И дело было не в недостатке чувств: он обожал Илену, и его любви хватило бы на пятерых. Но одной любви недостаточно. Потому что сейчас, в середине семидесятых годов, молодой врач считал, что мир летит в пропасть; ему совсем не хотелось брать на себя ответственность за будущего ребенка.

А Илена ничего не хотела слушать.

Вернувшись к стойке, Элиот расправился с ужином и заказал кофе. Он нервничал и машинально хрустел пальцами, не замечая этого. В кармане куртки он нащупал пачку сигарет и, не удержавшись, распечатал ее.

Он знал, что должен бросить курить. Вокруг все больше и больше говорили о вреде табака. За последние пятнадцать лет эпидемиологические исследования показали: никотин вызывает наркотическую зависимость, и, будучи хирургом, Элиот прекрасно знал, что у курильщиков гораздо выше риск заработать рак легких и сердечно-сосудистые заболевания, чем у остальных. Но, как многие врачи, он больше думал о здоровье других, чем о своем собственном. Курить было разрешено всюду: и в ресторане, и в самолете. А сигарета стала непременным атрибутом стиля, символизируя социальную и культурную свободу.

«Скоро брошу, – подумал Элиот, выпуская колечко дыма, – но только не сегодня». Он слишком устал, чтобы принимать решения.

Рассеянно глядя в окно кафе, Элиот неожиданно заметил странного мужчину в небесно-голубой пижаме, который пристально смотрел на него. Хирург прищурился, чтобы лучше его разглядеть. Незнакомцу было лет шестьдесят, его спортивная внешность и слегка поседевшая бородка придавали ему сходство со стареющим Шоном Коннери. Элиот нахмурился: что делает в такой поздний час в аэропорту босой мужчина в пижаме?

В сущности, Элиоту не было до этого дела, но какая-то неведомая сила заставила его встать и выйти из кафе. Незнакомец выглядел потерянным, как будто сам не понимал, как здесь оказался. Чем ближе Элиот подходил к нему, тем сильнее его охватывало непонятное беспокойство. Кто этот человек? Может, это пациент, сбежавший из больницы? В таком случае разве не должен он, как врач, оказать ему помощь?

Когда до мужчины оставалось не больше трех метров, Элиот понял, что же его так тревожило: тот был поразительно похож на его отца, умершего пять лет назад от рака поджелудочной железы.

В полной растерянности врач сделал еще пару шагов. Сходство его ошеломило. Тот же овал лица, та же ямочка на щеке, которую унаследовал Элиот.

А если это он и есть?..

Нет, надо взять себя в руки! Отец умер, и умер давно! Он сам видел, как его положили в гроб; он присутствовал на кремации.

– Я могу вам помочь, сэр?

Мужчина попятился – он тоже был взволнован. Он казался сильным, и в то же время было очевидно, что сейчас потерял почву под ногами.

– Я могу вам помочь? – повторил врач.

Но незнакомец только пробормотал:

– Элиот...

Откуда он мог знать его имя? И этот голос...

То, что они с отцом никогда не были близки – это еще мягко сказано. Но теперь, когда отца уже не было, Элиот порой жалел, что не старался его понять.

Растерявшись и осознавая абсурдность вопроса, Элиот не смог удержаться и спросил сдавленным от волнения голосом:

– Папа?..

– Нет, Элиот, я не твой отец.

Как ни странно, этот разумный ответ его совершенно не успокоил: интуиция подсказывала ему, что самое невероятное еще впереди.

– Тогда кто вы?

Мужчина положил руку ему на плечо. В его глазах появился знакомый блеск. Немного поколебавшись, незнакомец ответил:

– Я – это ты, Элиот...

Врач отскочил назад и застыл, как громом пораженный, а мужчина закончил:

– ...через тридцать лет.

* * *

– Я через тридцать лет? – ошеломленно повторил Элиот. – Что вы хотите этим сказать?

Мужчина не успел ответить: у него внезапно пошла носом кровь и залила воротник пижамы.

– Запрокиньте голову! – скомандовал Элиот, достав из кармана бумажную салфетку, прихваченную в кафе, и положил ее на нос тому, кого считал теперь своим пациентом. – Сейчас пройдет, – сказал он успокаивающим тоном.

Элиот пожалел, что при нем нет сумки с инструментами, но кровотечение быстро остановилось.

– Пойдемте со мной, вам надо умыться.

Мужчина послушно пошел за ним. Но когда они подошли к туалету, его затрясло, как при эпилептическом припадке.

Элиот хотел помочь, но незнакомец с силой оттолкнул его.

- Не трогайте меня! - потребовал он, распахивая дверь туалета.

Получив такой отпор, Элиот решил подождать снаружи.

Какая странная история. Сначала это поразительное сходство, потом несуразная фраза: «Я - это ты, но через тридцать лет», а теперь еще кровотечение и конвульсии.

Черт знает, что за день!

Но странности еще не закончились, потому что через минуту, решив, что ожидание слишком затянулось, Элиот решил войти в туалет.

Врач прошел ряд умывальников. Никого. Здесь не было ни окон, ни запасного выхода. Значит, мужчина заперся в одной из кабинок.

- Вы здесь, сэр?

В ответ - тишина. Боясь, что тот потерял сознание, Элиот распахнул дверь первой кабинки: никого.

Вторая, третья, десятая... пусто.

В отчаянии врач поднял глаза к потолку: все панели были на своих местах.

Это казалось невозможным, однако пришлось признать очевидное: незнакомец исчез.

2

Меня интересует будущее: в нем я собираюсь провести ближайшие годы.

Вуди Аллен

Сан-Франциско

Сентябрь 2006 года

Элиоту 60 лет

Элиот резко открыл глаза. Он лежал поперек кровати, мокрый от пота. Сердце колотилось, как сумасшедшее.

Приснится же такое!

Он никогда не запоминал сны, но этот, особенно странный, врезался в память: как будто он бродил по аэропорту Сан-Франциско и наткнулся... на своего двойника. Тот был гораздо моложе и не меньше его поражен встречей.

Во сне все казалось таким реальным, словно Элиот и вправду переместился на тридцать лет назад.

Хирург нажал на кнопку пульта, чтобы поднять шторы, и с тревогой посмотрел на флакончик, стоявший на прикроватном столике. Он открыл его: оставалось еще девять золотистых таблеток. Накануне перед сном он из чистого любопытства проглотил одну. Послужила ли она причиной загадочного сна? Старый камбоджиец очень уклончиво рассказал о действии лекарства, но строго предупредил: «Не злоупотреблять».

Элиот с трудом встал с кровати и подошел к окну, которое выходило на пристань. Отсюда открывался неповторимый вид на океан, остров Алькатрас и мост Золотые Ворота[3 - Золотые Ворота (англ. the Golden Gate Bridge) – висячий мост через одноименный пролив. Построен в 1937 г.]. Восходящее солнце бросало на город розовые отблески, оттенки которых менялись с каждой минутой. Курсирующие вдоль берега парусники и паромы расходились друг с другом, ориентируясь на звук туманных горнов[4 - Туманный горн – прибор для подачи звуковых сигналов судном во время тумана.]. Несмотря на ранний час, на зеленых лужайках парка Марина Грин появились первые бегуны.

Привычная картина немного успокаивала. Эта безумная ночь, конечно, скоро забудется. Едва он в это поверил, как увидел свое отражение в стекле: на пижамной куртке темнело большое пятно. Он опустил глаза, чтобы получше его разглядеть.

Кровь?

Сердце учащенно забилось, но он быстро нашел объяснение: наверное, ночью у него пошла носом кровь, и он заново пережил это во сне. Обычное дело, и незачем паниковать.

Почти успокоившись, Элиот пошел в ванную комнату, чтобы перед работой принять душ. Он включил воду и с минуту стоял неподвижно, рассеянно блуждая в своих мыслях, пока ванная наполнялась паром. Что-то по-прежнему беспокоило его, не отпускало. Он начал раздеваться и интуитивно сунул руку в карман пижамы. Внутри обнаружилась бумажная салфетка со следами крови. Под ржавыми пятнами можно было различить изображение самого знаменитого в городе моста и надпись над ним: «Кафе «Золотые Ворота», аэропорт Сан-Франциско».

И снова у него зашло сердце, но в этот раз ему было труднее успокоиться.

* * *

Может быть, все это связано с его болезнью?

Несколько месяцев назад результаты фиброскопии показали, что у него рак легких. По правде сказать, Элиота это совсем не удивило: нельзя безнаказанно выкуривать пачку сигарет в день в течение сорока лет. Он всегда сознавал опасность. Никуда не денешься, жизни без риска не бывает. Он никогда не стремился вести здоровый образ жизни. В каком-то смысле он верил в судьбу: если что-то должно случиться, оно обязательно случится. И человек должен это принять.

Объективно говоря, это была паршивая разновидность рака: та его форма, когда болезнь развивается стремительно и хуже всего поддается лечению. В последние годы медицина достигла больших успехов, и новые препараты

позволяли продлить жизнь пациентов. Но ему они уже не могли помочь: опухоль диагностировали слишком поздно, и обследования показали наличие метастазов в других органах.

Ему предложили пройти классическое лечение – химиотерапию в сочетании с радиотерапией, – но он отказался. На этой стадии все попытки уже не имели смысла. Исход борьбы был предрешен: через несколько месяцев он умрет.

Пока ему удавалось скрывать болезнь, но он понимал, что не сможет делать это вечно. Кашель не прекращался, боли под ребрами и в плече становились все острее, и порой на него вдруг накатывала страшная усталость – а ведь его прозвали в больнице «вечным двигателем».

Но его пугала не боль. Больше всего он боялся, что о болезни узнают другие. Особенно Энджи, его двадцатилетняя дочь, студентка, живущая в Нью-Йорке, и Мэтт – лучший друг, от которого у него никогда не было тайн.

Он вышел из ванной, торопливо вытерся полотенцем и открыл платяной шкаф. С особой тщательностью он выбрал одежду: рубашку с коротким рукавом из египетского хлопка и итальянский костюм. Пока он одевался перед зеркалом, больной и усталый человек на глазах превращался в элегантного мужчину в расцвете сил, с мужественным лицом. Еще недавно благодаря неоспоримому обаянию он встречался с молодыми и красивыми женщинами, порой вдвое моложе его. Но эти отношения длились недолго. Все, кто был близко знаком с Элиотом Купером, знали: в его жизни есть только две женщины – его дочь Энджи и возлюбленная Илена, которая умерла тридцать лет назад.

Элиот вышел из дома и словно опьянел от солнца, соленых волн и ветра. Наслаждаясь новым днем, он не торопясь открыл дверь маленького гаража, сел в старый оранжевый «Фольксваген-жук» – последнее воспоминание об эпохе хиппи. Вырулив на бульвар, он поехал по Филмор-стрит к викторианским особнякам Пасифик-Хайтс[5 - Пасифик-Хайтс – престижный район в Сан-Франциско.]. Обрывистые улицы Сан-Франциско с их крутыми поворотами напоминали Элиоту американские горки, но он был уже не в том возрасте, чтобы летать на виражах. На Калифорния-стрит он свернул налево и разминулся с канатным трамваем, который вез первых туристов в Чайна-таун. Не доезжая до китайского квартала, прямо за Кафедральным собором Грейс он въехал на подземную стоянку больницы «Ленокс», в которой работал больше тридцати лет.

Элиот руководил отделением детской хирургии. В больнице его очень ценили. На новую должность он был назначен уже на склоне лет. Всю жизнь он занимался пациентами, стараясь – вещь редкая для хирурга – не ограничиваться физиологической стороной дела и за диагнозом видеть живого человека. Звания его не прельщали, и он никогда не стремился обзавестись связями, играя с «нужными» людьми в гольф или проводя с ними выходные на озере Тахо. Однако очень часто, когда детям его коллег необходимо было сделать операцию, врачи обращались именно к нему – потому что знали, что лучше его никого нет.

* * *

– Сделаешь анализ?

Элиот протянул Сэмюэлю Белоу, руководителю больничной лаборатории, целлофановый пакетик с крошками из пузырька с таблетками.

– Что это?

– Вот ты мне и расскажешь...

Он пошел в кафетерий, принял там первую дозу кофеина, затем поднялся в хирургическое отделение, где переоделся и встретился со своей бригадой: анестезиологом, медсестрой и индийской практиканткой. Пациентом в этот раз был слабенький семимесячный младенец с врожденным пороком сердца. Кровь маленького Жака недостаточно обогащалась кислородом, и у ребенка развился цианоз: об этом свидетельствовали его негнущиеся пальчики и губы синюшного цвета.

Готовясь делать надрез в области грудной клетки, Элиот вдруг почувствовал страх, как артист перед выходом на сцену. Операция на открытом сердце всегда была для него не хирургическим вмешательством, а чудом. Сколько он их уже провел? Сотни, а то и тысячи. Пять лет назад о нем даже сняли телевизионный репортаж, в котором превозносили его золотые руки, способные сшить нитью, не видимой невооруженным глазом, тончайшие, не толще булавки, кровеносные сосуды. И все-таки каждый раз он испытывал огромное напряжение и страх неудачи.

Операция длилась больше четырех часов, и все это время сердце и легкие малыша были подключены к аппаратам. Элиот зажал отверстие между двумя желудочками и открыл один из легочных путей, чтобы перекрыть поступление в аорту крови, обедненной кислородом. Это была кропотливая работа, требовавшая мастерства и сосредоточенности. Его руки не дрожали, но какая-то часть сознания была захвачена другими мыслями: о собственной болезни, которую он уже не мог игнорировать, и о странном сне. Заметив, что ослабил внимание, Элиот заставил себя сконцентрироваться.

Когда операция закончилась, Элиот объяснил родителям ребенка, что пока еще рано судить о результатах. В течение нескольких дней маленького пациента будут наблюдать в отделении интенсивной терапии, где он по-прежнему будет подключен к аппарату искусственной вентиляции легких, пока организм не начнет мало-помалу работать в обычном режиме.

Не сняв хирургический халат, хирург вышел на больничную стоянку. Высоко стоящее в небе солнце ослепило его – на какую-то долю секунды все поплыло перед глазами. Он был опустошен, обессилен, а в голове роились вопросы: разумно ли он поступает, игнорируя свою болезнь? Можно ли работать, подвергая опасности жизнь пациентов? Что может случиться с ребенком, если хирургу станет плохо во время операции?

Чтобы подстегнуть работу мысли, он зажег сигарету и с наслаждением сделал первую затяжку. Это было единственное, что примиряло его с раком: сильнее курение навредить уже не могло.

От легкого ветерка его охватил озноб. Теперь, когда Элиот узнал, что скоро умрет, он стал более чувствителен ко всему, что его окружало. Он почти физически чувствовал сердцебиение города, как будто Сан-Франциско стал живым организмом. Больница стояла на небольшом холме Ноб Хилл. Отсюда хорошо просматривались гавань и набережная, где кипела жизнь. Сделав последнюю затяжку, он потушил сигарету. Решение было принято: он оставит хирургическую практику в конце месяца и расскажет дочери и Мэтту о своей болезни.

Все, это конец. Назад пути нет. Он поставит крест на призвании лечить людей.

Он вдруг почувствовал себя старым и никчемным.

- Доктор Купер?

Элиот обернулся: перед ним стояла Шари - его индийская стажерка. Она уже переделалась в потертые джинсы и нарядную маечку на тонких бретельках. Слегка робея, она протянула ему стаканчик кофе. Все в ней дышало красотой, юностью и здоровьем.

Элиот взял стаканчик и благодарно улыбнулся.

- Я пришла попрощаться с вами, доктор.

- Прощаться?

- Сегодня кончается моя стажировка в Соединенных Штатах.

- Ах, да, - вспомнил он, - вы возвращаетесь в Бомбей.

- Спасибо за теплый прием и за доброжелательность. Я многому у вас научилась.

- Спасибо за помощь, Шари. Из вас выйдет хороший врач.

- А вы - великий врач!

Элиот покачал головой, смущенный комплиментом. Девушка шагнула и приблизилась к нему почти вплотную.

- Я подумала... может быть, поужинаем сегодня вместе?

На какой-то миг ее красивое смуглое лицо стало пунцовым. Она была застенчива, и ей нелегко дались эти слова.

- Мне очень жаль, но это невозможно, - ответил Элиот, удивленный таким поворотом разговора.

– Я понимаю, – смутилась она и, выдержав паузу, добавила: – Моя стажировка официально заканчивается в шесть часов вечера. Вы уже не будете моим начальником, а я – вашей подчиненной. Если вас смущает это...

Элиот посмотрел на Шари внимательнее. Сколько ей лет? Года двадцать три – двадцать четыре? Никак не больше двадцати пяти. Он никогда не делал ей намеков и теперь чувствовал себя неловко.

– Дело не в этом.

– Странно, – призналась она, – а мне всегда казалось, что я вам небезразлична...

Что он должен был ответить? Что одна его часть умерла, а скоро умрет и вторая? Что утверждение «любви все возрасты покорны» – полная ерунда?

– Не знаю, что вам сказать.

– Тогда не говорите ничего, – пробормотала она и отвернулась, но, спохватившись, обиженно добавила: – Ах да, я забыла, наш оператор получил сообщение от вашего друга Мэтта: он ждет вас полчаса и уже начинает терять терпение...

* * *

Элиот выбежал из больницы и бросился ловить такси. Они с Мэттом планировали сегодня вместе пообедать, и сейчас он страшно опаздывал.

Существует не только любовь с первого взгляда, но и дружба. Мэтт и Элиот познакомились сорок лет назад при особых обстоятельствах. Казалось, между ними нет ничего общего: Мэтт – француз, экстраверт, любитель красивых женщин и бонвиван; Элиот – американец, скорее сдержанный и тяготеющий к одиночеству. В долине Напа[б - Долина Напа – винодельческий район в Калифорнии.] они купили виноградник и назвали его «Калифорнийский Перигор». Вина, которые они производили – приятное каберне-совиньон и шардоне с привкусом ананаса и дыни, – приобрели хорошую репутацию благодаря стараниям Мэтта, который настойчиво продвигал их продукт не только в Америке, но и в Европе и Азии.

В Мэтте Элиот был уверен полностью, он не сомневался, что если позвонит другу среди ночи и попросит спрятать труп, то Мэтт, не колеблясь, сразу возьмется за дело.

Но сейчас Элиот опаздывал, и Мэтт собирался устроить ему разнос.

* * *

Роскошный ресторан «Бельвю» на Эмбаркадеро, где они постоянно обедали, выходил на набережную. С бокалом в руке Мэтт Делюкка уже тридцать минут терпеливо ждал на террасе, с которой открывался вид на мост Бэй-Бридж, Трежер-Айленд[7 - Трежер-Айленд (остров сокровищ, англ.) - искусственный остров, названный в честь романа Р. Л. Стивенсона.] и небоскребы делового квартала. Он уже собирался заказать третий бокал, когда зазвонил его мобильный телефон.

- Привет, Мэтт, извини, я немного опоздаю.

- Ради бога, не спеши, Элиот. Я уже свыкся с твоим своеобразным представлением о пунктуальности...

- Я, наверное, сплю! Ты устраиваешь мне сцену?

- Да нет же, старик, ты - врач и спасаешь жизни, так что опоздать не можешь...

- Так и есть: ты устраиваешь мне сцену...

Мэтт не смог сдержать улыбку. Прижав телефон к уху, он вышел с террасы и направился в зал ресторана.

- Хочешь, я сделаю заказ за тебя? - предложил он, подходя к витрине с моллюсками. - Передо мной как раз суетится один краб, и он наверняка почтет за честь оказаться в твоей тарелке...

- Я тебе полностью доверяю.

Мэтт разъединился и, кивнув официанту, решил судьбу бедного членистоногого:

- И одного запеченного краба, пожалуйста!

Четверть часа спустя Элиот бегом пересекал просторный зал, декорированный зеркалами и обшитый панелями из ценных пород деревьев. Споткнувшись о тележку с десертами и нечаянно толкнув официанта, он, наконец, сел напротив Мэтта и сразу предупредил:

- Если ты дорожишь нашей дружбой, постарайся не произносить в одной фразе слова «снова» и «опоздал».

- А я ничего и не сказал, - заверил Мэтт. - Мы зарезервировали этот столик на двенадцать дня, а сейчас половина второго, но я ни слова не сказал. Итак, как прошла поездка в Камбоджу?

Едва Элиот произнес несколько слов, как его охватил приступ кашля.

Мэтт налил ему бокал минеральной воды.

- Что-то ты слишком много кашляешь, - встревожился он.

- Не беспокойся.

- И все-таки... Ты не хочешь пройти какое-нибудь обследование? Компьютерную томографию или что-нибудь в этом роде...

- Кто из нас двоих врач? - спросил Элиот, открывая меню. - Интересно, что ты мне заказал?

- Не обижайся, но, по-моему, ты скверно выглядишь.

- Ты еще долго будешь говорить мне любезности?

- Я просто переживаю за тебя. Ты слишком много работаешь.

- У меня все нормально, говорю же! Просто поездка в Камбоджу немного утомила...

- Тебе не надо было лететь в Азию, - отрезал Мэтт, скорчив недовольную гримасу. - По-моему, там...

- Наоборот, это было весьма познавательно. Со мной там произошел очень странный случай...

- То есть?

- Я встретил одного старого кхмера и помог ему; и он, этакий джинн из лампы, захотел узнать мое самое заветное желание...

- И что ты попросил?

- Невозможное.

- Выиграть, наконец, партию в гольф?

- Прекрати.

- Нет, продолжай...

- Я сказал, что хотел бы снова увидеть одного человека...

В эту минуту Мэтт понял, что друг не шутит, и с лица его исчезла улыбка.

- И кого бы ты хотел увидеть? - спросил он, зная ответ.

- Илену...

Оба замолчали. Но Элиот не стал поддаваться меланхолии. Пока официант приносил закуски, хирург продолжил рассказ, не забыв упомянуть об удивительном эпизоде с таблетками и кошмаре, который выбил его из равновесия прошлой ночью.

Мэтт решил его успокоить:

- Если хочешь знать мое мнение: забудь ты эту историю и возьми тайм-аут на работе.

- Ты не можешь представить, до какой степени этот сон был похож на реальность и как он меня напугал. Это было так... дико... увидеть себя тридцатилетним.

- Ты действительно думаешь, что кошмар вызвали те золотистые таблетки?

- А что еще?

- Может, ты съел что-нибудь несвежее, - рискнул предположить Мэтт. - На мой взгляд, ты слишком часто наведываешься в китайские закусочные...

- Перестань...

- Я говорю серьезно. Не ходи ты к Шо: уверен, его утка по-пекински на самом деле из собачатины...

Оставшаяся часть обеда прошла в доброжелательной обстановке. С Мэттом всегда было весело. Рядом с ним Элиот забывал о своих мрачных мыслях и заботах. Разговор принял шуточный тон и перешел на пустяки.

- Ты заметил девушку у стойки бара? - спросил Мэтт, беря кусочек банана, облитого карамельным соусом. - По-моему, она на меня смотрит.

Элиот обернулся: пленительное существо с ногами от ушей и взглядом лани томно потягивало из бокала сухой мартини.

- Это девушка по вызову, милый мой.

Мэтт замотал головой:

- Вовсе нет!

- Хочешь пари?

- Ты так говоришь, потому что она смотрит не на тебя, а на меня!

- Сколько ей лет, по-твоему?

- Лет двадцать пять.

- А тебе?

- Шестьдесят, - признался Мэтт.

- Вот поэтому она девушка по вызову...

Несколько секунд Мэтт переваривал этот ответ.

- Да я сейчас в лучшей форме! - возмутился француз.

- Мы стареем, дружище. Такова жизнь, и пора бы тебе это признать.

Мэтт воспринял этот трюизм с легким ужасом.

- Ладно, я пошел, - объявил Элиот, вставая. - Мне еще сегодня несколько жизней спасать. А ты? Что делаешь вечером?

Мэтт бросил взгляд в сторону бара и с грустью убедился, что чаровница разговаривает с молодым клиентом. Еще пару лет назад он пошел бы и отбил красавицу у такого хлыща, но сейчас он чувствовал себя как пожилой боксер, который чуть было не ввязался в ненужный ему бой.

- Моя машина на стоянке, - сказал он, догнав Элиота. - Я подвезу тебя. Такому старику, как я, может понадобиться небольшой медосмотр...

Посидите рядом с красивой девушкой, и час пролетит как одна минута. Но сядьте на раскаленную плиту, и минута покажется вам часом. Это и есть теория относительности.

Альберт Эйнштейн

Сан-Франциско

1976 год

Элиоту 30 лет

– Неплохо, да? – Растянувшись на песке, Мэтт показал на раскинувшийся перед ними широкий залив, окруженный холмами.

Друзья жили скромно – рестораны им были не по карману. В обеденный перерыв они направлялись на пляж, где перехватывали по хот-догу.

Это был прекрасный солнечный день. Мост Золотые Ворота, окутанный легкой дымкой, будто плыл по ковру из молочно-белых облаков.

– Ты прав: лучше здесь, чем в тюрьме! – подтвердил Элиот, жуя сэндвич.

– У меня есть грандиозная новость, – объявил Мэтт с таинственным видом.

– Правда? И какая?

– Потерпи немного, приятель, сюрприз получишь на десерт...

Вокруг них веселилась молодежь, приехавшая на пляж насладиться теплом бабьего лета. Компания оделась по последней моде: юноши щеголяли бакенбардами, брюками-клевш и атласными рубашками, девушки – длинными

пестрыми блузками, кожаными куртками и яркой бижутерией.

Мэтт включил радиоприемник и сразу поймал хит сезона от группы Eagles: привязчивую мелодию Hotel California.

Насвистывая припев, он разглядывал пляж.

– Видишь девушку справа от тебя? По-моему, она на нас смотрит!

Элиот украдкой обернулся: красивая молодая женщина, грациозная, как нимфа, лежала на полотенце и лакобилась итальянским мороженым. Скрестив длинные ноги, она время от времени поглядывала на друзей.

– Очень может быть.

– И что ты о ней думаешь? – спросил Мэтт, отвечая нимфе взглядом.

– Хочу тебе напомнить, что в моей жизни уже есть женщина.

Мэтт беспечно махнул рукой:

– А тебе известно, что только пять процентов млекопитающих живут парами?

– И что из этого?

– Что тебе мешает присоединиться к остальным девяноста пяти процентам, которые не усложняют себе жизнь моногамией?

– Не думаю, что Илена согласилась бы с тобой...

Мэтт проглотил последний кусок хот-дога и с беспокойством посмотрел на друга:

– Ты в порядке? Что-то неважный у тебя сегодня вид.

– Брось эти комплименты, ты меня нервируешь.

- Я просто переживаю за тебя: ты слишком много работаешь.

- Моя работа - это здоровье людей.

- Я понял: ты опять наведалься в ту китайскую забегаловку, что на первом этаже твоего дома.

- К господину Шо?

- Да. Ты уже пробовал его утку по-пекински?

- Это очень вкусно.

- По-моему, она из кошатины...

Их прервал продавец мороженого:

- Какое предпочитаете? Фисташковое? Карамельное? Кокосовое?

Элиот доверился вкусу друга, которому хотелось выбрать мороженое для них обоих. Едва продавец отошел, их разговор возобновился.

- Как прошли выходные во Флориде? Ты выглядишь озабоченным...

- Вчера вечером со мной произошло нечто очень странное, - признался Элиот.

- Слушаю тебя.

- Я встретил кое-кого в аэропорту.

- Женщину?

- Мужчину... лет шестидесяти.

Мэтт хмурился, а Элиот рассказал ему о странном столкновении с таинственным незнакомцем, который исчез в туалете аэропорта.

Мэтт выдержал паузу и недовольно произнес:

- М-да, это серьезнее, чем я думал.

- Клянусь тебе, это правда.

- Поверь мне, приятель, тебе надо меньше работать.

- Не беспокойся обо мне.

- А как мне не беспокоиться, Элиот? Ты рассказываешь, что к тебе сегодняшнему явился ты из будущего и вы мило побеседовали. Это, по-твоему, нормально?

- Ладно, сменим тему.

- Как поживает твоя дорогая Илена?

Элиот повернулся к океану, и на миг его взгляд зацепился за туман, окружавший металлические опоры Золотых Ворот.

- Она хочет ребенка, - ответил он задумчиво.

Лицо Мэтта засветилось радостью:

- Это замечательно, можно я буду его крестным отцом?

- Я не хочу детей, Мэтт.

- Вот как? Почему?

- Ты прекрасно знаешь: мир стал слишком опасен, слишком непредсказуем...

Мэтт возвел глаза к небу.

- Старик, ты несешь какую-то ерунду. Чтобы защитить своего малыша, есть ты, Илена, и даже я возьму на себя часть забот. Родители ведь для этого и нужны, правда?

- Тебе легко говорить: ведешь жизнь плейбоя, каждый день меняешь подружек. По-моему, ты еще не готов завести семью...

- Это потому, что мне не повезло: не я встретил Илену. Только тебе выпадают такие удачи. Она - единственная на всем белом свете и досталась именно тебе. Но ты слишком глуп, чтобы это понять...

Элиот отвел взгляд и ничего не ответил. Огромная волна обрушилась на пляж и швырнула в их сторону клочья пены. Через несколько минут хорошее настроение вернулось к ним, и разговор перешел на более легкомысленные темы.

Решив, что подходящий момент для «сюрприза» наступил, Мэтт порылся в сумке и достал бутылку розового шампанского.

- Что празднуем? - поинтересовался Элиот.

Мэтт безуспешно пытался скрыть радостное возбуждение.

- Все, старик, я наконец ее нашел! - признался он, откупоривая бутылку.

- Женщину твоей жизни?

- Нет!

- Возможность избавить мир от голода?

- Землю, старик! Под наш будущий виноградник. Великолепный участок с большим деревянным домом на вершине холма...

Несколько лет назад Мэтт получил лицензию пилота. Он приобрел гидросамолет и стал хорошо зарабатывать, катая туристов над заливом. Но уже давно он вынашивал немного безумный план основать вместе с Элиотом собственную винодельню в долине Напа.

– Уверю тебя, теперь самый подходящий момент, чтобы вложиться в это дело! – с воодушевлением объяснял он. – Сейчас в долине куплено всего несколько участков, а ведь вино – это будущее Калифорнии. Это наше красное золото, понимаешь? Если мы сейчас запустим бизнес, то разбогатеем!

Убежденный лишь наполовину, но радуясь за друга, Элиот пообещал приехать в следующие выходные, чтобы взглянуть на участок. Он с улыбкой слушал Мэтта, излагающего грандиозные планы до тех пор, пока будильник в часах не напомнил о реальности.

– Ладно, мне пора, – сказал он, вставая и потягиваясь. – Пойду спасу еще несколько жизней. А ты? Что будешь делать вечером?

Мэтт обернулся, чтобы удостовериться: прекрасная нимфа никуда не ушла. Подмигнув ему, она недвусмысленно дала понять, что ждет его.

Мэтт просиял. Он был молод, красив, вся жизнь была впереди.

– Кажется, кто-то очень хочет пройти у меня медосмотр...

На Хайд-стрит была пробка; зажатое со всех сторон такси еле двигалось. Элиот заплатил по счетчику и вышел, хлопнув дверцей. Больница была уже рядом: пешком он дойдет быстрее. Закурив, он быстрым шагом пошел по улице. Каждый раз, приближаясь к своему месту работы, он испытывал смутный страх. Одни и те же вопросы не давали ему покоя. Оправдает ли он ожидания? Примет ли правильное решение? Не потеряет ли пациента?

Он был еще не в том возрасте, когда чувствуешь себя закаленным. Он не успел отрастить броню. До сих пор в его карьере не было сбоев: блестящая учеба в Беркли, где он перепрыгнул через курс, больничная практика в Бостоне, четыре года интернатуры и несколько педиатрических специальностей, освоенных им в ординатуре. И где бы он ни работал, его всюду сопровождали самые лестные отзывы.

И все-таки Элиот иногда сомневался, что создан для профессии хирурга. Конечно, он чувствовал удовлетворение, отдавая себя другим, принося им пользу. Иногда, в конце рабочего дня, понимая, что сыграл решающую роль, он уходил с работы в состоянии, близком к эйфории. Он садился в машину и летел на полной скорости вдоль побережья. Он боролся за жизнь – и победил. В такие вечера Элиот чувствовал себя почти богом. Но это блаженство никогда не длилось долго. Потому что всегда наступало завтра или послезавтра, когда пациент, будучи «в состоянии средней тяжести», вдруг умирал у него на руках.

Он взглянул на часы, потушил окурок и ускорил шаг. До больницы оставалось не больше сотни метров.

«Действительно ли я занимаюсь своим делом?» – снова спросил он себя.

Каким врачом он собирался стать? Элиот выбрал эту стезю, чтобы сдержать давнее обещание, после того как в его жизни произошло одно важное событие. Он не жалел о своем выборе, но иногда завидовал беззаботной жизни Мэтта. Последние десять лет у него ни на что не хватало времени: ни на чтение, ни на спорт, ни на другие интересы помимо работы.

Он вошел в больничной холл, надел халат и поднялся на одиннадцатый этаж. В зеркале лифта отразилось его измученное лицо. Целую вечность ему не удавалось проспать восемь часов подряд. С тех пор как ночные дежурства приучили Элиота спать урывками и, свернувшись калачиком, отключаться на десять минут, у него не получалось отсыпаться, даже когда была такая возможность.

Он толкнул дверь и вошел в зал, облицованный блестящей плиткой, где его уже ждал Лэнг, стажер из «Скорой помощи».

– Я хотел бы с вами проконсультироваться, доктор Купер, – сказал он, представляя его мистеру и миссис Романо, супружеской паре, которая его сопровождала.

Он – маленький брюнет, типичный итало-американец, с первой же минуты вызывающий симпатию. Она – высокая блондинка. Красивый союз противоположностей. Их дочь Анабель доставили только что в отделение «Скорой помощи», где она лежит, не подавая признаков жизни.

– Ее мать, приехав домой днем, нашла ее в этом состоянии. Они думают, что дочь так и не просыпалась с утра, – объяснил Лэнг. – Я запросил полное обследование, и доктор Амендоза сделал компьютерную томографию.

Этот новый медицинский аппарат – томограф, позволявший получать изображение внутренних органов, приобретали во всех больницах мира, назвав его «сканер».

Элиот подошел к распростертому на кровати безжизненному телу. Анабель оказалась девушкой лет пятнадцати, которая унаследовала одновременно скандинавские черты матери и итальянскую приветливость отца.

– Она не жаловалась в последнее время на головные боли и рвоту?

– Нет, – ответила мать.

– Она употребляет наркотики?

– Нет!

– Она могла во сне удариться головой или упасть с кровати?

– Тоже нет!

Еще до того, как обследовать девочку, Элиот почувствовал, как уходит из нее жизнь, а притаившаяся в углу смерть ждет своего часа.

Однако начало осмотра внушало надежду: дыхание Анабель было ровным, сердце и легкие функционировали нормально. Затем Элиот проверил роговичный рефлекс – ничего необычного.

Картина резко изменилась, когда Элиот обследовал зрачки девушки. Осторожно поворачивая голову пациентки справа налево, врач обнаружил, что ее глаза не двигаются вслед за движением головы. Затем, когда он надавил на грудину, запястье девушки резко напряглось.

- Это нехороший знак, да? - спросил господин Романо. - Есть какая-то проблема с мозгом?

Элиот был сдержан.

- Пока рано делать такие выводы. Подождем результатов обследования.

Результаты появились через несколько минут. Когда доктор крепил рентгеновский снимок на светящийся экран, уже догадывался, что на нем обнаружит. Поскольку больница состояла при университете, он дал возможность стажеру самостоятельно поставить диагноз.

- Отек в мозжечке?

- Правильно, - неохотно подтвердил Элиот. - Геморрагический отек мозжечка.

Он вышел из рентгеновского кабинета и вернулся к родителям Анабель.

- Ну как, доктор? - спросили они дуэтом, как только он пересек порог кабинета.

Он смотрел на чету с состраданием. Ему хотелось сказать им что-нибудь ободряющее, например: «Все будет хорошо, девочка вот-вот проснется». Но это была бы неправда.

- Я очень сожалею, но у вашей дочери инсульт. Она безнадежна.

Наступила тишина. Молчание, казалось, длилось вечно, пока родители постигали смысл сказанного. Мать слабо вскрикнула, а отец отказался верить:

- Но она дышит! Она еще жива!

- Пока да, но у нее отек; он будет расти и все больше мешать дыханию, а потом оно прекратится.

- Но ее можно подключить к аппарату искусственного дыхания! - упорствовала мать.

- Да, мадам, можно, но это ничего не изменит.

Шатаясь, отец подошел к телу дочери.

- Как... как у нее мог случиться инсульт? Ей ведь даже пятнадцати лет не исполнилось...

- Это может случиться когда угодно и с кем угодно, - пояснил Элиот.

Ослепительные солнечные лучи заливали комнату безжалостным светом, золотя белокурые волосы девочки. Казалось, она просто спит, и было трудно поверить, что ей уже не суждено проснуться.

- Но вы даже не попытаетесь сделать операцию? - изумилась мать, все еще не веря в происходящее.

Муж подошел к ней и взял за руку. Элиот посмотрел ей в глаза и тихо сказал:

- Это конец, миссис Романо, мне очень жаль.

Ему хотелось остаться с ними подольше, взять на себя хоть малую часть их горя, найти несколько слов утешения, хотя он и знал, что таких слов просто не существует.

Но его звала медсестра. На три часа была запланирована операция, и он уже опаздывал. Прежде чем уйти, Элиот должен был выполнить до конца свои врачебные обязанности, спросив у родителей, не возражают ли они против изъятия органов их дочери для донорства. Он должен был убедить их, что смерть Анабель послужит, может быть, спасению других жизней. Да, Элиот

должен был исполнить долг до конца, но сегодня он не чувствовал достаточно мужества.

Он вышел из зала подавленный, с трудом сдерживая гнев. Прежде чем подняться в операционный блок, он зашел в туалет, чтобы ополоснуть лицо холодной водой.

«Я никогда не буду иметь детей, – поклялся он себе, глядя в зеркало. – Я никогда не буду иметь детей, чтобы они не умерли!»

Тем хуже для Илены, если она не захочет его понять...

Орландо, Флорида

1976 год

Вечерние сумерки спустились на огромный парк развлечений «Морской мир Орландо». Пока последние лучи солнца причудливо изгибали тени кипарисов, поредевшая толпа покидала заповедник, радуясь, когда поблизости оказывались дельфины, гигантские черепахи и морские львы.

Илена наклонилась над бассейном и позвала Аннушку – самую крупную косатку парка:

– Привет, красавица!

Молодая женщина ухватила за плавник животного и заставила его перевернуться на спину.

– Не бойся, это не больно, – сказала она успокаивающе и воткнула иглу в тело, чтобы набрать в шприц немного крови.

Это всегда была очень непростая операция. Косатки – самые умные среди китообразных, но они же и самые опасные. При всем своем приветливом нраве

Аннушка оставалась шестиметровым хищником весом в четыре тонны, способным убить человека ударом хвоста или лишить конечности одним движением челюстей, оснащенных пятьюдесятью острыми как бритва зубами. Каждый раз Илена старалась заручиться добровольной поддержкой животного, превращая неприятную процедуру в игру. Обычно все проходило нормально. Илена обладала особой интуицией, что делало ее великолепным ветеринаром.

– Вот и все, – сказала она, извлекая иглу. Она погладила хищницу и высыпала ей в награду ведро мороженой рыбы.

Илена обожала свою работу. Как ветеринар заповедника, она отвечала за физическое и психическое здоровье всех животных в океанариуме. В ее ведении находились чистка водоемов, приготовление кормов. Она всегда присутствовала при обучении дрессировщиков. Было необычно, что девушка добровольно взвалила на себя столько ответственности. Надо сказать, она долго и упорно добивалась этой должности. Еще в детстве Илена страстно увлекалась подводным миром, и особенно китами. Не ограничившись дипломом ветеринара, она получила специализацию в области морской биологии и прошла курс психологии животных. Но в этом профессиональном секторе вакансии случались крайне редко, и шансы работать с дельфинами и косатками были почти такими же призрачными, как шансы стать космонавтом. Однако Илена не стала цепляться за свою мечту и оказалась права. Потому что пять лет назад, в 1971 году, Уолт Дисней выбрал маленький город Орlando для строительства Диснейленда – гигантского парка развлечений. Благодаря наплыву туристов Орlando из сельской дыры превратился в самое популярное место Флориды. «Морской мир» тогда следовал по стопам Микки-Мауса, став самым большим в стране морским зоопарком-океанариумом. За год до официального открытия парка Илена начала осаду дирекции, чтобы заполучить это место, уже обещанное одному ветеринару более солидного возраста. Ее согласились взять на испытательный срок, и по его окончании она была принята в штат! В этом сказалось преимущество Америки: профессионализм начинал, наконец, главенствовать над возрастом, полом и социальным происхождением.

Она безумно любила свою работу. И не подозревала, что ее друзья из «Гринписа» иногда кривились из-за того, что животных держат в неволе. Однако стоило признать, что в «Морском мире» не игнорировали проблемы окружающей среды. Илене удалось добиться от дирекции, чтобы та щедро профинансировала программу защиты ламантинов.

Молодая женщина покинула зону водоемов и вернулась в административный корпус. Она наклеила этикетку на флакон с пробой крови и отнесла его в маленькую лабораторию, чтобы сделать там анализ. Прежде чем приняться за работу, она зашла в туалет освежить лицо холодной водой. Весь день она чувствовала себя разбитой.

Когда она подняла голову к зеркалу, висевшему над умывальниками, то увидела, что по ее щекам непроизвольно текут слезы. Она их даже не чувствовала.

- Какая я дура! - сказала она, вытирая мокрые глаза.

На самом деле Илена прекрасно знала, в чем дело: она не переставая думала о последнем разговоре с Элиотом. О его реакции, когда она поделилась с ним сокровенными мыслями о ребенке. Так было каждый раз, и она не понимала его уклончивое поведение; ей казалось, что он избегает ответственности.

Однако она ни секунды не сомневалась в его любви. Их чувство было сильным, и они оба не уставали удивлять и радовать друг друга...

Но могла ли эта любовь выдержать испытание временем? Илене было почти тридцать. Здесь, во Флориде, вокруг нее постоянно вертелись мужчины; она была неотразима и понимала это. Но сколько еще это продлится? Молодость понемногу уходила. Она отмечала, что у нее уже не такое тело, как у восемнадцатилетних девочек, которых она видела на пляже или на трибунах во время шоу, и нет свежести, присущей юному возрасту.

Само по себе старение ее не так уж беспокоило. Но вокруг менялись нравы: говорили о свободной любви, о сексуальной революции, и эти перемены ей совсем не нравились. Потому что она мечтала о прочных и долгих отношениях с Элиотом, и ей совершенно не хотелось отпускать любимого мужчину осваивать с другими женщинами позы из Камасутры.

Она сделала несколько глотков воды и вытерла глаза салфеткой.

Может быть, Илена недостаточно показывала Элиоту, как любит его? Она была стыдлива, и любовные признания давались ей с трудом. Но когда любишь, слова не нужны: о твоём чувстве знают. Тем более, когда женщина просит мужчину стать отцом ее ребенка, разве это не говорит о том же?

Она хотела от Элиота ребенка, потому что сильно любила его. Она была не из тех женщин, которые мечтают о беременности и хотят родить для себя во что бы то ни стало. Она хотела, чтобы ребенок стал продолжением их любви.

Вот только Элиот явно был против.

И Илена не понимала почему.

Она догадывалась, что желание иметь ребенка тесно связано с пережитым опытом человека, с его детством. Илене повезло: в Бразилии она выросла в небогатой семье, но с любящими родителями, и знала, что в материнстве она бы расцвела. А в семье Элиота постоянно скандалили. Не в этом ли была причина его упорства?

Однако она не сомневалась в его способности стать замечательным отцом. Много раз, заезжая за ним в больницу, она заставляла его за работой. Будучи детским хирургом, Элиот умел находить общий язык со своими юными пациентами. Он был твердым и уравновешенным – в отличие от некоторых незрелых и эгоистичных мужчин, которые крутились около нее. Илена легко представляла его любящим, заботливым родителем. Доходило до того, что у нее не раз возникала мысль перестать пить противозачаточные таблетки и сослаться потом на случайную беременность, поставив его перед фактом, но она чувствовала, что, сделав это, разрушит их взаимное доверие.

Так в чем же крылась истинная причина?

Она знала о нем многое: о его решимости, самоотверженности, образованности; знала его запах, вкус кожи, линию позвонков, ямочки на щеках, когда он улыбался...

Может быть, в любимом человеке всегда есть что-то, ускользающее от нас? И эта скрытая часть питает нашу любовь, не давая ей иссякнуть?

Во всяком случае, в одном Илена была совершенно уверена: мужчина ее жизни, отец ее будущих детей – Элиот, и больше никто.

И этот ребенок будет от него, или его не будет вообще.

Сан-Франциско

1976 год

Элиот ехал домой на «жуке» угрюмый и подавленный. Сегодня ему не хотелось давить на газ. Он боролся за жизнь, но потерпел поражение. Не богом он был, а ничтожным докторишкой.

Незаметно подкрадывалась ночь. словно по уговору разом включились уличные фонари и автомобильные фары. В голове усталого хирурга неотвязно крутились, словно киноплёнка, сцены последних двух дней: размолвка с Иленой, встреча в аэропорту с незнакомцем и маленькая Анабель, которую он не мог спасти.

Почему его всегда преследовало чувство, что жизнь ускользает от него? Что на самом деле он ею не управляет?

Задумавшись, он слишком поздно сбавил скорость, выезжая на пересечение Филмор и Юнион-стрит. Машину слегка занесло, и он почувствовал какое-то мягкое сопротивление и услышал глухой стук.

Неужели лопнула шина?

Он заглушил двигатель, вышел из машины и осмотрел покрышки, затем бампер. Ничего. Он уже собрался ехать дальше, когда услышал звук, похожий на жалобный крик или писк, доносившийся с противоположного тротуара.

Элиот поднял голову и увидел щенка, отброшенного ударом на другую сторону дороги.

«Только этого мне не хватало...» – вздохнул он.

Элиот пересек улицу и подошел к щенку: это оказался лабрадор бежевого окраса. Он лежал на боку, неловко согнув переднюю лапу, из которой сочилась кровь.

– Давай, вставай! – бросил он щенку, надеясь, что не покалечил его.

Но тот даже не пошевелился.

– Пошел отсюда! – вскипел Элиот, сопроводив слова легким пинком.

И снова животное испустило слабый крик, в котором явно слышалась боль. Окровавленная лапа не давала щенку двигаться, но Элиота это не сильно беспокоило. Животные были вне сферы его забот. Его делом были люди: мужчины, женщины, дети, старики... Все те, кого он лечил в больнице. А никак не животные...

Он пожал плечами и отвернулся от лабрадора. Он больше не будет тратить время на эту псину.

Сев в машину, Элиот нехотя повернул ключ зажигания.

Само собой, на его месте Илена не уехала бы вот так, по-воровски. Она бы страшно расстроилась, стала бы лечить пса, а потом обязательно нашла бы его владельца.

Но это Илена...

Ему показалось, что он слышит ее тихий голос, словно она сидит рядом на пассажирском месте: «Тот, кто не любит животных, на самом деле не любит и людей».

«Ерунда это все!» – подумал он, тряхнув головой. Однако, проехав метров двадцать, остановил машину и скрепя сердце вернулся назад.

Даже на расстоянии четырех тысяч километров эта женщина делала с ним все, что хотела!

– Давай, дружок, ложись, – сказал он, устраивая щенка на заднем сиденье, – поедем тебя лечить.

* * *

Повеселевший Элиот приехал в район Марина. Архитектура жилых домов, стоящих на побережье, удачно сочетала в себе элементы разных эпох и стран. Дома с башенками по углам соседствовали с более современными зданиями из стекла и стали, что в результате непостижимым образом создавало асимметричный, но полный гармонии ансамбль.

Ночь вступила в свои права, задул сильный ветер. На набережной какой-то чудака, похожий на хиппи, развлекался, запуская воздушный змей, украшенный лампочками.

Врач подъехал к дому и осторожно достал щенка из машины.

С этим живым пакетом он направился к красивому зданию, построенному в средиземноморском стиле.

Один поворот ключа, и Элиот вошел в необычную квартиру, которую купил, получив наследство. Построенный пятьдесят лет назад, дом был полностью перестроен архитектором Джоном Лотнером – создателем футуристических жилых зданий, который черпал вдохновение в произведениях научной фантастики.

Элиот нажал на выключатель, и все вокруг осветилось голубоватым вибрирующим светом, похожим на колыхание волн.

Устроив лабрадора на кушетке, он открыл медицинскую сумку. Осмотрев щенка, хирург обнаружил, что кроме рваной раны на лапе у того оказалось еще несколько ушибов. Что удивительно, на нем не было ошейника, и он явно не доверял Элиоту.

– Послушай, прохвост, я тебе не нравлюсь, и это взаимно! Тем не менее тебе без меня не обойтись, и если хочешь, чтобы я тебя вылечил, лежи спокойно... – Элиот продезинфицировал рану и тщательно ее перевязал. – Ну вот, сегодня ночью отдыхай, а завтра вернешься в свою конуру! – предупредил он щенка и поднял его с кушетки.

Хирург прошел гостиную, библиотеку и оказался на кухне. Все три комнаты выходили окнами во внутренний сад, где гордо возвышался эффектно подсвеченный желтый кедр с Аляски.

Элиот достал из холодильника начатую бутылку белого вина, налил полный бокал и пошел с ним наверх. Там, за двойными стеклами, плоская крыша переходила в длинную террасу, похожую на мостик, спускающийся прямо в океан.

С бокалом в руке доктор уселся в плетеное кресло и подставил лицо ветру.

И вдруг образ Анабель молнией мелькнул у него в голове.

«До чего паршивый день», – подумал Элиот, закрывая глаза.

В эту минуту он даже представить себе не мог, что этот день закончится еще очень нескоро...

4

И не забывай свои мечты...

Кто знает, когда они пригодятся.

Карлос Руис Сафон

Сан-Франциско

Сентябрь 2006 года

Элиоту 60 лет

Элиот приехал в район Марина глубокой ночью. Он припарковался на подъездной дорожке и вошел в красивый дом, построенный в средиземноморском стиле, где жил уже тридцать лет. Как только он оказался внутри, датчик автоматически включил голубоватый вибрирующий свет, от которого комната словно закачалась на волнах.

Пройдя гостиную и библиотеку, доктор оказался на кухне. С тех пор как дочь переехала в Нью-Йорк, в доме стало пусто и тихо. Прохвост – старый лабрадор – умер двенадцать лет назад, и на его месте никто так и не появился. Элиот достал из холодильника бутылку белого вина и наполнил бокал. Из-за боли в пояснице он с трудом преодолел пролет из металлических ступенек, ведущих на второй этаж. Войдя в комнату, он подождал, пока утихнет боль, а потом открыл ящик прикроватного столика и вынул флакончик с золотистыми таблетками, о которых думал весь день.

Затем хирург вышел в сад на террасу, где перед ним открывался эффектный вид на пристань и залив.

Элиот с удовольствием различил знакомое уханье волнового органа – оригинального сооружения на краю дамбы, которое издавало случайные звуки в ритме волн, устремляющихся в его трубы.

«Такая штука может быть только в Сан-Франциско», – подумал он, усаживаясь в старое плетеное кресло.

От ветра, обвевавшего его лицо, он зябко поежился. И снова, как утром, Элиот посмотрел на флакон с девятью таблетками, испытывая одновременно соблазн и недоверие.

Он совершенно не представлял себе их состав, но очень хотел повторить вчерашний опыт. По правде сказать, Элиот не питал иллюзий на их счет: конечно, эти таблетки не имели отношения к его сну прошлой ночью.

И все-таки он не мог устоять от желания попробовать их еще раз...

Не спеша он слегка наклонил флакончик, чтобы таблетка выкатилась на ладонь, и снова засомневался: что, если это яд или какая-нибудь экзотическая дрянь, которая затуманит ему мозги?

Не исключено, но чем он на самом деле рискует? Все равно рак скоро сожрет его.

«Немного раньше или немного позже...» – подумал он, запивая таблетку глотком вина.

Сначала ничего не происходило. Элиот уселся поглубже в кресло и стал ждать. Из-за болезни он чувствовал себя старым и слабым.

Элиот мысленно прокрутил в голове сцены последних часов, подумал о своем спонтанном и болезненном решении закончить оперировать в конце месяца.

«Паршивый день», – подумал он, прежде чем закрыть глаза.

И заснуть...

5

Вторая встреча

Лучшее доказательство невозможности путешествия во времени заключается в том, что к нам не вторгаются толпы туристов из будущего.

Стивен Хокинг

Сан-Франциско

Сентябрь 1976 года

Элиоту 30 лет

– Значит, нежитесь?

Элиот так резко открыл глаза и подскочил, что упал с кресла. Испачкав нос в пыли, он поднял голову. На фоне блеска звезд вырисовывался темный силуэт: это был тот самый мужчина, которого он встретил накануне в зале аэропорта. Скрестив руки на груди, он смотрел на Элиота и слегка улыбался, явно довольный произведенным эффектом.

- Какого черта вы делаете на моей террасе? - возмутился молодой врач.

- На твоей - это значит на моей... - парировал странный гость.

Рассерженный Элиот порывисто вскочил. Сжав кулаки, он сделал шаг навстречу собеседнику, и в течение нескольких секунд двое мужчин молча рассматривали друг друга. Они были абсолютно одного роста.

- Скажите, чего вы добиваетесь? - спросил Элиот угрожающим тоном.

Незнакомец уклонился от вопроса и мягко возразил:

- А сам ты не хочешь понять?

- Понять что?

- Правду...

Элиот пожал плечами.

- А правда - это что?

- Я - это ты.

- Вы буйный сумасшедший! Вот правда!

- А ты, малыш, слишком долго расслабляешься.

Элиот посмотрел на незнакомца внимательнее.

Сейчас на нем не было вчерашней мятой пижамы; он был в полотняных брюках, чистой рубашке и хорошем пиджаке. Не будь речь этого харизматичного типа безумной, он бы больше походил на бизнесмена, чем на пациента психушки.

Элиот постарался говорить как можно более убедительно:

– Послушайте, думаю, вы больны. Наверное, есть врач, который наблюдает вас, и он...

– Я сам врач.

«Так, не получилось», – подумал Элиот, почесывая голову. Что полагается делать в такой ситуации? Звонить в полицию? В неотложку? В скорую психиатрическую помощь? С виду незнакомец был неагрессивен, но кто знает, надолго ли это.

– Наверняка ваши близкие волнуются. Если скажете, как вас зовут, я выясню адрес и отвезу вас домой.

– Меня зовут Элиот Купер, – спокойно ответил тот.

– Этого не может быть.

– А почему, собственно?

– Потому что Элиот Купер – это я.

– Хочешь проверить мои документы? – предложил мужчина, вынимая из кармана бумажник.

Похоже, все это его забавляло.

Элиот внимательно рассмотрел протянутое ему удостоверение личности и не поверил глазам: на карточке черным по белому были написаны те же имя, фамилия и дата рождения, что и у него! Только на фотографии человек выглядел старше его лет на тридцать.

«Это еще ни о чем не говорит, – пытался успокоить себя Элиот. – Кто угодно может достать фальшивые документы. Но кто станет делать это и зачем?»

Поразмыслив, он нашел единственное объяснение: этот розыгрыш – дело рук Мэтта. Несколько секунд он убеждал себя в правильности этой догадки, чувствуя, однако, что она не очень убедительна. Действительно, Мэтт был далеко не чужд приколам и шуткам и вообще был немного чокнутый. Но все же не до такой степени! И если Мэтт хотел над ним подшутить, он бы не стал выдумывать такие заумные фокусы, а учудил бы что-нибудь ниже пояса.

«Если бы Мэтту вздумалось развлечься, он прислал бы мне толпу стриптизерш или шикарную девочку, – рассудил Элиот, – но уж никак не шестидесятилетнего типа, который выдает себя за меня».

Задумавшись, Элиот слишком поздно заметил, что мужчина подошел к нему почти вплотную. Его лицо стало очень серьезным. Он схватил Элиота за руку и сильно сжал.

– Послушай, парень, как бы абсурдно ни звучало, но я действительно нашел способ вернуться в прошлое.

– Я так и подумал.

– Ты должен мне верить, черт побери!

– Но вы говорите абсолютно невозможные вещи!

– Если они невозможные, объясни мне, как я смог в аэропорту выйти из туалета?

Элиот не знал, что ответить. Пусть этот тип был ненормальный, но он явно не лез за словом в карман.

– Сэр... – начал он, но незнакомец перебил его:

– Оставь сэра в покое, ладно?

В этот момент за застекленным эркером послышался жалобный лай. Доктор посмотрел вниз и заметил там какое-то движение. Каким-то чудом малыш-лабрадор доковылял до второго этажа и теперь, несмотря на раненую лапу, сообщал о своем присутствии, заливаясь радостным визгом.

- Прохвост! - вскрикнул мужчина, словно увидев призрака.

Не помня себя от радости, щенок бросился к нему и, обнюхивая, стал лизать незнакомцу руки, как будто это был их привычный ритуал.

- Вы знаете этого щенка? - спросил Элиот, совсем растерявшись.

- Разумеется, это же мой щенок.

- Ваш?

- Наш.

Элиот был вне себя. Этот тип начинал действовать ему на нервы. Но чтобы от него избавиться, он решил испробовать другую тактику: притвориться, что поверил ему.

Он выдержал паузу и спросил самым серьезным тоном:

- Так вы действительно пришли из будущего?

- Можно сказать и так.

Элиот кивнул в знак согласия, вышел на террасу и посмотрел с балкона вниз. Как будто надеясь что-то найти, он обшарил взглядом всю улицу.

- Это очень странно, - сказал он наконец. - Я что-то не вижу вашу машину времени. Вы оставили ее на улице или прямо у меня в гостиной?

Незнакомец не смог удержаться от улыбки:

- Неплохо. Ты никогда не играл в театре одного актера?

Вместо ответа Элиот решил расставить точки над «і»:

- Послушайте, дружище, я вас не знаю, понятия не имею, откуда вы появляетесь, но думаю, вы не такой чокнутый, каким притворяетесь. На самом деле я уверен, что вы валяете дурака.

- А с какой целью?

- Не знаю, и, честно говоря, мне на это плевать. Единственное, чего я хочу - это чтобы вы убрались из моего дома, и предупреждаю - в последний раз прошу вас вежливо.

- Успокойся, я здесь не задержусь.

Но, вместо того чтобы исчезнуть, мужчина уселся в плетеное кресло и, порывшись в кармане, достал сигареты в красно-белой пачке со знаменитым логотипом на черном фоне.

Элиот обратил внимание, что он курил ту же марку сигарет, но это его не смутило: бренд с ковбоем был одним из самых популярных.

- Заметь, - сказал мужчина, выпуская изо рта колечко дыма и кладя зажигалку перед собой, - я прекрасно понимаю, что ты мне не веришь. Но с годами меняешься, понимаешь, что все не так однозначно, и уверенность потихоньку испаряется... Я помню, кем был в молодости: человеком научного склада, признающим только разум.

- А теперь?

- Теперь я научился верить.

Легкий ветерок овеивал террасу. Стоял прекрасный сентябрьский вечер. Небо с рассыпанными по нему яркими звездами поражало удивительной прозрачностью. Большая полная луна была совсем близко и сияла голубоватым светом. Засмотревшись на нее, мужчина докурил и потушил сигарету в стоявшей

перед ним пепельнице.

- Может, пора тебе наконец признать, Элиот: я твой союзник.

- Зануда вы, а не союзник.

- Зануда, который все про тебя знает.

Элиот вышел из себя:

- Разумеется, вы все про меня знаете, потому что вы – это я. Это же бред! Что вы обо мне на самом деле знаете? Какие сигареты я курю и когда родился? И что дальше?

Элиот поддался гневу, потому что его охватил страх. Он смутно чувствовал: соотношение сил изменилось, и догадывался, что незнакомец еще не предъявил козыри. Словно прочитав его мысли, тот ответил подчеркнуто серьезно:

- Я знаю то, что ты никому и никогда не говорил – даже лучшему другу и любимой женщине.

- Что, например?

- Кое-что, чего тебе не хотелось бы слышать.

- Давайте, выкладывайте, что у вас есть. Мне скрывать нечего.

- Поспорим?

- О чем вы хотите поговорить?

Мужчина подумал минуту и предложил:

- Хочешь, поговорим о твоём отце?

Он почувствовал, что вопрос оскорбил его, как пощечина.

- При чем здесь мой отец?

- Твой отец был алкоголиком, хотя никогда это не признавал, ведь так?

- Неправда!

- Конечно, правда. В глазах окружающих он был уважаемым бизнесменом, любящим мужем и хорошим отцом. Но дома, с тобой и матерью, он был совсем другим, правда?

- Вы ничего об этом не знаете.

- Я знаю все. Постарев, он малость успокоился, но когда ты был маленький, он порой здорово тебя поколачивал, помнишь?

Элиот словно онемел, а незнакомец продолжал:

- Это случалось, когда он напивался. После нескольких стаканов он быстро приходил в бешенство, а раздавая тумаки, успокаивался...

Элиот молча слушал и чувствовал себя как боксер, которого прижали к канатам.

- Ты долго его терпел. Иногда даже провоцировал, помнишь? Потому что знал, если он отведет душу на тебе, то уже не будет кидаться на мать.

Незнакомец помолчал несколько секунд и спросил:

- Хочешь, чтобы я продолжал?

- Идите к черту!

Мужчина наклонился к молодому врачу и сказал ему на ухо, словно поверяя секрет:

– Однажды, тебе тогда было десять, ты вернулся днем из школы и застал мать в ванной с перерезанными венами... истекающую кровью...

– Ах ты, скотина! – взорвался Элиот и схватил его за лацкан пиджака.

Но тот, не теряя хладнокровия, закончил рассказ:

– Ты пришел как раз вовремя, чтобы успеть ее спасти. Ты вызвал «Скорую помощь», но мать уговорила тебя скрыть истинную причину, и ты послушался. Помог разбить стекло в душевой кабине, а она сказала врачам, что порезалась, поскользнувшись на мокром полу. Это стало вашей общей тайной. Никто так и не узнал правды.

Сейчас мужчины сидели друг напротив друга, глаза в глаза. Элиот был поражен в самое сердце. Он не ожидал такого разоблачения семейных тайн. По крайней мере, не сегодня. И не так. Он похоронил эти воспоминания, почти вытеснил их из памяти, и все-таки они были живы. И причиняли боль.

– Сначала ты подумал, что поступил правильно, но два года спустя мать выбросилась с двенадцатого этажа дома, где вы жили.

Каждое слово этого типа било Элиота под дых.

Впервые за многие годы ему хотелось плакать. Он чувствовал себя беззащитным, уничтоженным и очень уставшим.

– С тех пор тебя преследует мысль, что на тебе тоже лежит ответственность за ее самоубийство, что все могло получиться иначе, если бы ты не скрыл правду. Потому что она могла получить психологическую помощь или пройти лечение в клинике. Мне продолжать?

Элиот открыл рот, чтобы сказать «нет», но не смог произнести ни звука.

Хотя собеседник был тоже взволнован, он продолжал погружаться в опасные воды воспоминаний.

Последнее, что он сказал, добило Элиота окончательно:

– Ты говоришь всем, кто готов тебя слушать, что не хочешь иметь детей, потому что современный мир слишком страшен, а в будущем нас ждет апокалипсис, но не это истинная причина, Элиот...

Молодой врач нахмурился. Сейчас он и сам не знал, к чему клонит его собеседник.

– Ты не хочешь иметь детей, потому что всегда думал, что родители тебя не любили. И теперь сам боишься, что не способен полюбить собственных детей. Как странно устроен человеческий разум, тебе не кажется?

Элиот не отрицал. Вот ведь: достаточно трех минут, чтобы незнакомый человек разрушил все, в чем ты уверен, и заставил во всем сомневаться. Жалкая кучка секретов – вот кто мы.

Сильный порыв ветра обрушился на террасу. Мужчина поднял воротник, подошел к Элиоту и положил ему руку на плечо, словно пытаясь ободрить.

– Не трогайте меня! – попросил молодой врач и бросился к балкону. Ему не хватало воздуха, в голове все перемешалось. Однако он чувствовал, что самое важное от него ускользает: истинная причина этих откровений.

– Предположим, все это – правда, – сказал Элиот, глядя в лицо своему таинственному гостю, – от меня-то чего вы ждете?

Мужчина покачал головой:

– Я ничего не жду от тебя, парень. Не хочу тебя разочаровывать, но я здесь не ради тебя.

– Но тогда...

– Я вернулся ради нее...

Он снова достал бумажник, но на этот раз достал цветную поблекшую фотографию и протянул ее Элиоту.

Это был снимок, сделанный в Центральном парке, на котором Илена с сияющим лицом и румяными от мороза щеками бросала снежок. Это было его любимое фото, сделанное прошлой зимой, которое он всегда носил с собой.

- Где вы его достали? Только попробуйте подойти к Илене - я вам всю физиономию расквашу, да так, что...

Мужчина поднялся, не дожидаясь окончания этого предостережения. Как будто прощаясь, он погладил щенка и сделал несколько шагов к окну. И тогда Элиот заметил, что незнакомца так же бьет дрожь, как накануне в аэропорту перед исчезновением.

Но на этот раз он не даст ему так просто уйти!

Элиот бросился за ним, но... слишком поздно. Тот уже вышел с террасы и закрыл за собой раздвижную дверь.

- Открой эту чертову дверь! - кричал доктор, барабаня по стеклу, которое было покрыто флуоресцентным гелем и по вечерам отливало красивым зеленым светом.

К несчастью, это изобретение архитектора превращало стекло в нечто вроде зеркала, только без амальгамы. Запертый на террасе, Элиот не видел, что происходит в комнате.

- Откройте! - потребовал он снова.

После недолгого молчания послышался голос:

- Не забудь, что я сказал: я твой союзник, а не враг.

Элиот не должен был отпускать этого типа. Теперь он хотел знать больше. Приняв мгновенное решение, хирург схватил стул из кованого железа и со всех сил швырнул в застекленный проем, который тут же взорвался множеством ярких брызг. Он бросился обратно в дом, спустился бегом по лестнице, пробежал все комнаты и даже вышел на улицу.

Никого.

Когда он вернулся на террасу, малыш лабрадор тоскливо выл на луну.

– Успокойся, все хорошо, – сказал Элиот, беря щенка на руки, – все закончилось.

Но в глубине души он был убежден в обратном. Все только начиналось.

6

Я бы так хотел, чтобы ты вспомнила те счастливые дни, когда мы были друзьями.

Тогда жизнь была прекрасна, и солнце светило ярче.

Жак Превер, Жозеф Косма

1976 год

Элиоту 30 лет

Со щенком под мышкой Элиот поспешил к автомобилю. Надо было рассказать Мэтту о втором появлении незнакомца. Сначала он хотел позвонить Илене, но он положил трубку, прежде чем она успела ответить. Как ей рассказать о случившемся, чтобы она не сочла это болезненными фантазиями? Нет, прежде чем ее беспокоить, надо сначала все разузнать...

Открыв дверцу «жука», он посадил щенка на пассажирское место и подумал, что уже начал к нему привязываться. Малыш лабрадор был неспокоен, судя по всему, эта странная встреча тоже его ошеломила.

Элиот направился в итальянский квартал, оставив гавань позади. Стояла глубокая ночь, и дороги были почти свободны. Он повернул на Ломбард-стрит и

проехал восемь крутых поворотов, по форме напоминающих шпильки для волос, из-за которых эту красивую улицу называли самой изогнутой в мире. Она полностью оправдывала репутацию, но сегодня Элиот был слишком озабочен, чтобы любоваться цветочными клумбами и иллюминацией.

Торопясь, он пролетел Норт-Бич, пронесся мимо башен-близнецов Итальянского собора, где несколько лет назад Мэрилин Монро выходила замуж за Джо Ди Маджо, и поднялся на Телеграфный холм.

Крутизна улиц Сан-Франциско – не пустой звук. На вершине холма он долго маневрировал, чтобы припарковаться под углом, вывернув колеса к бордюру, как того требовало муниципальное предписание.

– Сиди здесь, – приказал он щенку. Тот протестующе заскулил, но доктор был неумолим. – Сожалею, но это не обсуждается, – отрезал Элиот.

Пройдя по тропинке среди эвкалиптов, он спустился по лестнице, увитой цветами. Место было очаровательное и сюрреалистическое: словно деревенский уголок перенесли в гущу мегаполиса. Весь город лежал у его ног, а вдали сверкала белыми огнями башня Койт. Яркая и пышная растительность давала приют множеству пернатых: воробьям, диким попугаям, пересмешникам... Элиот стал спускаться по деревянной лестнице, которая вилась среди зарослей рододендронов, фуксий и бугенвиллей, и вскоре поравнялся с домиками в стиле арт-деко, расположившимися на склоне холма. Он остановился у ворот, за которыми виднелся запущенный сад, и, как прежде, перелез через забор. Подходя к крыльцу крашеного деревянного дома, он услышал томный голос Марвина Гэя[8 - Марвин Гэй (1939–1984) – американский музыкант, стоявший у истоков современного ритм-энд-блюза.]. Элиот собрался постучать, но дверь оказалась открытой, и он вошел, горя нетерпением излить душу своему другу.

– Мэтт, ты здесь? – крикнул он, входя в гостиную. – В жизни не догадаешься, что со мной сейчас приключилось...

Внезапно Элиот остановился. На низком столике у окна он заметил два бокала с шампанским и коробку с разноцветными миндальными пирожными. В воздухе плыл приятный запах индийского ладана. Нахмурившись, Элиот изучал комнату, обнаруживая попутно пару туфель на высоких каблуках, стоящих у камина, бюстгальтер нежной расцветки, брошенный на диване, и кружевные трусики,

висящие на статуэтке. Судя по всему, Мэтт был не один: потому что, если он сам развесил белье, значит, Элиот совсем не знает своего друга! Врач уже собрался тихонько улизнуть, как...

- Эй, привет!

Элиот обернулся, как будто его поймали с поличным. Перед ним в костюме Евы стояла та самая молодая женщина, которую он видел днем на пляже.

- Э-э-э... добрый вечер, - промямлил он, отводя взгляд, - прошу прощения...

С притворным смущением, положив одну руку на грудь, а другую - на низ живота, стройная и чувственная, она подошла к нему волнующей походкой.

- Мэтт не предупредил меня, что ты тоже участвуешь, - сказала она игриво.

- Нет, э-э-э... Я даже не спрашиваю, что вы имеете в виду. Я только...

- Что ты здесь делаешь в такое время? - перебил его Мэтт, на котором не было ничего, кроме намотанной на бедрах простыни.

- Судя по всему, мешаю, - констатировал Элиот.

- Ты проницательный, как я вижу! И все-таки позволь тебе представить Тиффани. Она приехала пробоваться на роль девушки Джеймса Бонда в новом фильме.

- Очень рад. Не подаю вам руку, потому что ваши руки заняты.

В ответ Тиффани послала ему белоснежную улыбку.

Элиот повернулся к другу:

- Послушай, Мэтт, мне нужна твоя помощь...

– Вот прямо сейчас, да? А до завтра это не может подождать? – нервно спросил молодой француз, чья надежда на продолжение утех с прелестницей таяла на глазах.

– Ты прав, позвоню завтра, – уступил Элиот, сильно разочарованный. – Прости за беспокойство.

Он уже сделал несколько шагов к двери, когда Мэтт, вдруг сообразив, что у его друга стряслось что-то очень серьезное, схватил его за плечо.

– Подожди, дружище, рассказывай, что случилось.

На другом конце комнаты Тиффани уже собрала свои вещи и, видя, что о ней забыли, решила, что ей пора исчезнуть.

– Ладно, ребята, оставляю вас наедине, – объявила она, одевшись. – Раз вы предпочитаете развлекаться друг с другом...

– Нет, нет, нет! – встревожился Мэтт, пытаясь ее удержать. – Это совсем не то, что ты думаешь. Элиот – мой друг.

– Не беспокойся, дорогой, – успокоила она его, стоя на пороге. – Мы в Сан-Франциско, а я знаю, что это значит.

Наполовину голый, Мэтт пошел за ней через сад, клянясь всеми богами, что он не гей, и пытаясь узнать ее номер телефона, который молодая женщина так и не сказала, уязвленная тем, что ею пренебрегли. Мэтт удвоил усилия, но в этот момент порыв ветра с Тихого океана сорвал с него римскую тогу, которую он соорудил из простыни. В чем мать родила он схватил первый попавшийся цветочный горшок – это оказался кактус с широким и плоским стеблем – и прикрылся им. Упорствуя, он еще некоторое время бежал за Тиффани, которая, несмотря на шпильки, неслась как газель. В соседнем доме зажегся свет и хлопнули ставни. Из окна высунулась голова пожилой дамы, разбуженной грохотом. Увидев возмущенную физиономию соседки, Мэтт отступил и опрометью бросился назад, к дому. Он уже почти добежал до двери, но, поскользнувшись на верхней ступеньке, растянулся на пороге, и колючки вонзились в самое чувствительное место на его теле.

Завыв от боли, он захлопнул за собой дверь и грозно сказал:

- Надеюсь, у тебя была очень веская причина, чтобы испортить мне удовольствие!

- Я схожу с ума. Это достаточно веская причина?

- Будь другом, перестань так смотреть на меня! А главное, не комментируй.

- А я и не комментирую, - заверил его Элиот, пряча улыбку.

- Ладно, продолжай, - сказал Мэтт, скрываясь в спальне. - Я оденусь, и тогда поговорим о твоей проблеме.

Элиот прошел на кухню и поставил на огонь чайник, чтобы сварить кофе. Несмотря на свое обещание, он не удержался и крикнул Мэтту:

- Хочешь совет? Воспользуйся пинцетом!

* * *

Напряжение немного спало. Мэтт вытащил колючки, надел джинсы и свитер. Свежий и бодрый он вошел в кухню, где его ждал друг, и сел за стол.

- Ну, что ты мне расскажешь? - спросил он, наливая себе кофе.

- Он вернулся.

- Попробую догадаться: твой путешественник во времени, да?

- Да, он появился вечером у меня на террасе.

Мэтт поморщился, попробовав кофе, и положил в чашку два кусочка сахара.

- Он продолжает говорить то же самое?

- Он утверждает, что он – это я, но спустя тридцать лет.
- Странный симптом, не правда ли, доктор?
- На самом деле, это действительно странно: он слишком много знает обо мне. Личные, интимные подробности...
- Он тебя шантажирует?
- В том-то и дело, что нет. Уверяет, что хочет только увидеть Илену.
- В любом случае, если снова встретишься с твоим парнем из будущего, не забудь выведать у него ближайшие спортивные результаты и изменение цен на акции...

И снова, глотнув кофе, Мэтт скорчил гримасу. Он добавил еще три кусочка сахара, солидную порцию молока и подытожил:

- По крайней мере, заработаешь немного денег.
- Значит, ты мне не веришь! – с досадой воскликнул Элиот.
- Почему же? Верю, что тебя преследует какой-то тип, но не верю, что он из будущего.
- Ты бы видел, как он испарился у меня на глазах, – задумчиво сказал Элиот.
- Знаешь что? Вот теперь ты меня по-настоящему пугаешь. Напоминаю, что в нашем дуэте дуракавалянием занимаюсь я...

Мэтт встал и вылил остатки кофе в раковину, не переставая ворчать:

- Фу, гадость! У тебя не кофе, а помои! – После чего продолжил аргументацию: – Это я отмечен ноткой безумия и экстравагантности, поэтому имею право вытворять глупости и не очень тонко шутить. А ты у нас – голос разума и воплощение мудрости. Так что не пытайся поменяться ролями.

- У меня нехорошее предчувствие. Я побаиваюсь этого типа, и что бы он там ни говорил, я не уверен, что он желает мне только добра.

- Тогда надо его найти и припугнуть, - предложил Мэтт и схватил бейсбольную биты, которая валялась у него на диване.

- Перестань, - вздохнул Элиот. - Этот тип в два раза старше нас.

- Тогда как ты предлагаешь с ним поступить?

Прежде чем ответить, Элиот подумал немного и сказал:

- Этот парень говорит такие странные вещи, что я вижу здесь лишь два варианта: или он душевнобольной...

- Или?

- Или он говорит правду.

- Если не возражаешь, мы рассмотрим только первый.

- Тогда нужно обзвонить все больницы и психиатрические лечебницы округа и выяснить, не сбежал ли от них пациент.

- Давай, прямо сейчас и начнем! - подхватил француз, хватаясь за телефон. - Если этот парень существует, обещаю - мы его найдем.

Элиот распахнул стеклянные двери библиотеки и стал искать телефонный справочник. На полках в качестве литературных шедевров красовалось полное собрание «Плейбоя» и несколько работ по виноградарству.

- А тебе известно, что в мире существуют и другие интересы, кроме женщин и вина? - заметил он своему другу.

- Неужели? - спросил Мэтт полусерьезно. - Потому что, сколько я ни думал, так и не понял, какие именно.

Как только телефоны были найдены, друзья принялись обзванивать все медицинские учреждения Калифорнии, выясняя, не значится ли в списках пациентов, недавно вышедших за территорию без разрешения врачей, человек, которого они ищут. Надо сказать, что последние несколько лет психиатрическим больницам было настоятельно рекомендовано отпускать на время часть пациентов. Чтобы снизить налоги, губернатор штата – некий Рональд Рейган – решился резко сократить бюджет этих учреждений. Такую политику он собирался распространить на всю страну в случае победы на президентских выборах. Элиот и Мэтт не жалели сил, но спустя час они были вынуждены признать, что так и не напали на след. Задача была слишком сложной, а время суток – неподходящим для выбранной тактики.

– Этот парень – настоящий человек-невидимка, – рассердился Мэтт, вешая телефонную трубку. – Хочешь продолжать?

– Думаю, мы неправильно взялись за это дело. Все, что мне нужно, – доказательство.

– Доказательство чего?

– Что этот тип – не я.

– Да ты спятил, приятель. Я впервые вижу тебя таким, и если честно, я бы не хотел оказаться сейчас твоим пациентом. Расслабься, дружище! Возьми отпуск на недельку, хватай Илену, и езжайте загорать на Гавайи! Вот увидишь – все наладится.

Мэтт плюхнулся на диван и включил телевизор. Шел сериал «Коломбо». На экране знаменитый лейтенант в промежутке между размышлениями вслух о своей супруге сбивал с толку преступника, заставляя его путаться в показаниях и противоречить самому себе.

– Жаль, он не оставил что-нибудь у тебя дома, – сказал Мэтт, зевая.

– Что ты имеешь в виду?

- Твой путешественник во времени, жаль, что он не оставил у тебя какой-нибудь предмет со своими отпечатками. Их можно было бы проверить, как в фильме.

Элиот с минуту колебался, вспоминая в подробностях встречу с «гостем», и обнял друга за плечи.

- Мэтт, ты гений! Тебе это известно?

- Ты прав, - подтвердил француз. - Жаль, что, кроме тебя, никто об этом не знает... А почему я гений?

- Он оставил зажигалку! Я почти уверен в этом: он сидел напротив меня на террасе и курил сигарету, а потом положил свою «Зиппо» на стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Ратанакири - провинция на северо-востоке Камбоджи. (Здесь и далее прим. пер.)

2

«Тандерберд» (T-Bird) - название люксового автомобиля марки «Форд».

3

Золотые Ворота (англ. the Golden Gate Bridge) – висячий мост через одноименный пролив. Построен в 1937 г.

4

Туманный горн – прибор для подачи звуковых сигналов судном во время тумана.

5

Пасифик-Хайтс – престижный район в Сан-Франциско.

6

Долина Напа – винодельческий район в Калифорнии.

7

Трежер-Айленд (остров сокровищ, англ.) – искусственный остров, названный в честь романа Р. Л. Стивенсона.

8

Марвин Гэй (1939–1984) – американский музыкант, стоявший у истоков современного ритм-энд-блюза.

Купить: <https://telnovel.com/giyom-myusso/ty-budesh-tam>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)